

А. И. КОПАНЕВ

Новые списки «Повести о видении некоему мужу духовному»

«Повесть о видении некоему мужу духовному» протопопа Терентия введена в научный оборот С. Ф. Платоновым в его известной источниковедческой монографии 1888 г.¹ и издана им же как в отдельных списках, так и в составе «Иного сказания».² С. Ф. Платонов отрицал значение «Повести» Терентия как исторического источника. Считая «видение» реально совершившимся фактом, Платонов увидел в нем лишь свидетельство того, до «какого напряжения доходило чувство и воображение народа, ошеломленного чрезвычайными явлениями самозванщины и междоусобной смуты».³ В советской исторической литературе «Повесть» Терентия рассматривалась как одно из произведений, отразивших политическую борьбу 1606 г. В работах П. Г. Васенко и Е. Н. Кушевой «Повесть» трактовалась как сочинение, направленное против царя Шуйского.⁴ М. А. Яковлев, рассматривая «Повесть» как составную часть «Иного сказания», указал на ее агитационное значение, а именно на стремление автора «Повести» «грехами москвичей и их непокорностью к богу» объяснить неуспехи правительства В. Шуйского в борьбе с Болотниковым.⁵ По-новому раскрыто историческое значение «Повести» Терентия в исследовании И. И. Смирнова о восстании Болотникова. Появление «Повести» И. И. Смирнов связывает с той агитационной кампанией, которую развило правительство Василия Шуйского в первой половине октября 1606 г. перед лицом начавшейся осады Москвы со стороны армии восставших крестьян и холопов. «„Повесть протопопа Терентия“, — по словам И. И. Смирнова, — в образах христианской символики изображала восстание Болотникова как проявление божьего гнева, как наказание, посланное богом за грехи общества».⁶ Под «кровоядцами» и «немилостивыми разбойниками», которым в «Повести»

¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 56—61.

² РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стлб. 176—186 (в отдельных списках), 101—105 (в составе «Иного сказания»). Содержание повести сводится кратко к следующему: Некий «муж духовный» чудным образом увидел в Успенском соборе беседу богородицы с Христом, в которой богородица просила Христа спасти людей от напастей. Христос выслушал ее просьбы и согласился на это лишь при условии, что люди отойдут от греха и покаются.

³ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания... стр. 60.

⁴ П. Г. Васенко. Заметки к статьям о смуте в Хронографе редакции 1617 года. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, стр. 248—269; Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени XVII в. Ученые записки Саратовского гос. университета, т. V, 1926, стр. 96.

⁵ М. Я. Яковлев. «Иное сказание». — Ученые записки Гос. педагогического института им. Покровского, факультет языка и литературы, в. 1. Л., 1938, стр. 183.

⁶ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг. Госполитиздат, М., 1951, стр. 290.

грозится предать непокорных Христос, легко узнать восставших, осадивших Москву. Приведя слова Христа, якобы смягчившегося на просьбы богородицы пощадить людей, если они покаются («еще покаются»), автор выражает главный смысл «Повести». Идея всенародного покаяния, проповедуемого «Повестью», имела целью отвлечь народные массы, и прежде всего массы самой Москвы, от борьбы, дискредитировать участников восстания Болотникова в глазах московского населения и тем самым укрепить положение правительства. Таким образом, исходя из реальной исторической обстановки, И. И. Смирнов вскрыл роль и политическое значение «Повести» протопопа Терентия.

Однако для И. И. Смирнова «Повесть о видении» имеет важное значение также как исторический источник, доказывающий неоспоримо факт прихода восставших к Москве уже в первой половине октября 1606 г.⁷ Дело в том, что известные до сих пор списки «Повести» Терентия, как отдельные, так и в составе «Иного сказания», позволяют предполагать, что она составлена в первой половине октября 1606 г.: по мнению Платонова, — между 12 и 14 октября, по мнению Смирнова, — до 12 октября. Оба автора в своих датировках исходят из того, что в «Повести» указывается дата «видения» — 12 октября. При этом Платонов, веря в действительность «видения», считал, что «Повесть» написана в ближайшие два дня после «видения», так как 14 октября был объявлен всеобщий недельный пост-покаяние, к которому призывала «Повесть».⁸ Смирнов, наоборот, считает указание на дату 12 октября доказательством того, что к этому дню «Повесть» была уже составлена.⁹ Из сказанного видно, что датировка «Повести» является результатом ряда умозаключений на основе косвенных данных, в том числе на основе даты «видения», несомненно несуществовавшего, или даты поста, не имеющей подтверждения в других источниках.

Поэтому в литературе были высказаны сомнения в правильности указанной датировки «Повести о видении». Так, А. А. Зимин, оспаривая правомерность привлечения «Повести» для установления времени прихода восставших к Москве, заявляет, что она не имеет отношения к событиям октября 1606 г. А. А. Зимин пишет: «В „Повести“ нет ни одного конкретного указания на то, что она составлялась в период осады Москвы. К тому же она была включена в „Иное сказание“ только в 1623 г., и ее связь с событиями 14—19 октября вообще весьма сомнительна».¹⁰

⁷ Там же, стр. 184.

⁸ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания..., стр. 57.

⁹ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 гг., стр. 185.

¹⁰ А. А. Зимин. Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. — ВИ, 1958, № 3, стр. 111. — Относить включение «Повести о видении» в «Иное сказание» к 1623 г. вряд ли правильно. Нам кажутся убедительными соображения А. А. Назаревского, считающего, что включение «Повести» в «Иное сказание» было произведено еще во время царствования Василия Шуйского. Составитель компилятивного памятника, панегирического в отношении Шуйского и известного в литературе под названием «Повести 1606 г.», включил, вероятно, в свой текст и «Повесть о видении» с целью подчеркнуть успех правительства Шуйского в борьбе с Болотниковым. А. А. Назаревский правильно усмотрел также иное смысловое значение включения «Повести о видении» в «Казанское сказание», составленное, по предположению М. Н. Тихомирова, в 1611—1612 гг. (ИА, т. VI. М., 1951, стр. 82). Автор «Казанского сказания», включая «Повесть о видении» в свой текст, хотел подчеркнуть, что дальнейшие беды в стране являются следствием продолжающегося нарушения заповедей божьих и пренебрежения к знамениям типа «видения» некоему мужу духовному (А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958, стр. 122—124, 127, 128). Популярность «Повести» протопопа Терентия сразу же после ее создания вполне понятна: «Повесть» была крайне злободневна и поднята в своем значении публичным чтением ее в церкви

Сомнения А. А. Зимина, выраженные в столь решительной форме, могут быть рассеяны привлечением трех новых списков «Повести о видении», обнаруженных недавно в сборниках Рукописного отдела БАН.¹¹ Дело в том, что в этих новых списках в отличие от опубликованных в РИБ указывается точная дата чтения «Повести» народу в Успенском соборе — 16 октября. Заглавие «Повести» в двух списках (Арх. собр. К. 51 и 16.7.15) гласит: «В лето 7115 году, октября в 16 день, такова повесть чтена во святой и апостольской церкви Успение пресвятыя богородицы и великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы и благовещения пресвятыя богородицы пред всеми государевыми князи и бояры и дворяны и гостями и торговыми людьми и всего Московскаго государства православных христиан».¹²

Приведенный текст не оставляет сомнения в том, что «Повесть о видении» к 16 октября была составлена и, следовательно, может быть использована как источник для характеристики исторических событий первой половины октября 1606 г., в том числе и для выяснения вопроса о времени прихода восставших к Москве. Можно указать еще один список «Повести о видении», содержащий полную дату чтения ее в Успенском соборе, — «Повесть о видении», включенную в «Казанское сказание», опубликованное М. Н. Тихомировым.¹³ А. А. Назаревский убедительно доказал, что текст «Повести», включенной в «Казанское сказание», соответствует тексту «Повести» в отдельных списках и отличен от текста «Повести», помещенной в «Ином сказании».¹⁴ Однако А. А. Назаревский, вслед за М. Н. Тихомировым, ошибочно считает дату «16 октября», приведенную в списке «Казанского сказания», датой самого «видения». По его словам, «в специальной спайке», которой текст «Повести» вводится в «Сказание», «сообщается, что „видение“ имело место „в лета 7115-го году октября в 16 день“».¹⁵ Такое понимание текста «спайки» является результатом неправильной расстановки знаков препинания. В свете приведенного выше заглавия «Повести о видении» в новых списках следует знак точки «в спайке» поставить не после слова «день», а после слова «мужу». В результате получится правильное чтение: «При сем же благочестивом

¹¹ Сборник середины XVII в. — Арх. собр. К. 51, л. 76—76 об.; сборник второй половины XVII в. — 16.7.15, лл. 75—78; сборник начала XVII в. — собр. И. И. Срезневского, № 119, лл. 222 об.—226.

¹² Цитирую по сборнику 16.7.15, л. 75. Заглавие «Повести» в сборнике Арх. собр. К. 51 совершенно тождественно приведенному выше, за исключением нескольких мелких опусок. Заглавие «Повести» в третьем списке (Срезн. 119) хотя и отличается от приведенного выше, но тем не менее сохраняет дату. Оно гласит: «Лета 7115 октября в 16. Повесть сия есть дивна и зело полезна нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбегшему от божия милости, уклонившемуся от заповедей его святых и впадшему в сети дьявола многоразличныя». Как видим, в данном случае писец опустил следующий за датой текст, говорящий о чтении «Повести» народу, и взял лишь вторую часть заголовка, имеющуюся в обоих вышеназванных списках. Что касается текста «Повести», то он тождествен тексту, напечатанному РИБ. Однако в двух списках начало «Повести» совпадает полностью, а в третьем списке с пропуском, со списком сборника Погодинского собрания № 1570 (ГПБ), приведенным в вариантах С. Ф. Платоновым (РИБ, т. XIII, стр. 177—178, прим. 1). Следовательно, новые списки «Повести» имеют хорошо составленное заглавие и в них отсутствует предисловие с рассказом о том, как было записано видение, имеющееся лишь в одном списке «Повести», положенном С. Ф. Платоновым за основной при публикации. На важность точной даты «Повести» в вопросе установления времени осады Москвы восставшими указал И. И. Смирнов в статье «О классовой борьбе в Русском государстве начала XVII в.» (ВИ, 1958, № 12, стр. 127).

¹³ ИА, т. VI, стр. 112—115.

¹⁴ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 116, 126—127.

¹⁵ Там же, стр. 126.

царе Василье за четыре годы явления окаянного сего еретика разтриги Гришки Отрепьева видесе видение некоему мужу. В лета 7115-го году октября в 16 день сия повесть чтена на Москве во святой... церкви... царю» и т. д.¹⁶

Имеющиеся теперь списки «Повести о видении» позволяют коснуться еще одного спорного вопроса трактовки «Повести». Выше было указано, что ряд исследователей (П. Г. Васенко, Е. Н. Кушева) считали «Повесть о видении» сочинением, направленным против Шуйского. Основанием для подобного понимания «Повести» является единственный список ее, в котором рассуждение о пороках, царящих в обществе, изложено так («несть истины во царе же и в патриарсе»), что его можно отнести непосредственно к Василию Шуйскому и Гермогену. Чтение этого места во всех других тогда известных списках «Повести» «несть истины во царех же и патриарсех», позволяющее отнести его к Борису Годунову, к Лжедмитрию и патриарху Игнатию и менее обличительное для В. Шуйского, Е. Н. Кушева считала делом рук правительственной цензуры.¹⁷ И. И. Смирнов, не соглашаясь принять «искусственную конструкцию» Е. Н. Кушевой об экстренном превращении «антиправительственного памфлета (первоначальной редакции «Повести») в назидательное сочинение, распространяемое по царскому повелению», предлагает другое решение: он считает, что вариант чтения одного списка, неприемлемый для Шуйского и Гермогена, явился «результатом тенденциозной переделки первоначальной редакции „Повести“ кем-либо из враждебно настроенных в отношении Шуйского лиц».¹⁸ Нам кажется и то и другое решение вопроса слишком искусственным, так как при редакционной, сознательной переработке памятника вряд ли ограничились бы изменением числовой формы только двух слов, следы переделки, несомненно, встретились бы и в других местах «Повести». Однако таких других следов тенденциозной переделки текста в указанном списке не наблюдается. Встает вопрос: была ли вообще редакционная переделка? На наш взгляд, вернее «самое простое и чисто палеографическое объяснение», которое предложено А. А. Назаревским. Он считает, что писец единственного списка с чтением «несть истины во царе же и в патриарсе» попросту ошибся, опустив выносные буквы «х» в словах «во царе^х» и «патриарсе^х», имевшиеся в его оригинале.¹⁹ И это вполне правдоподобно: так, во всех трех новых и ранних по времени и хороших по исправности списках «Повести» указанный текст написан с выносными буквами: «несть истины во царе^х же и патриарсе^х».

¹⁶ ИА, т. VI, стр. 112.

¹⁷ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени XVII в., стр. 97.

¹⁸ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1606—1607 гг., стр. 290.

¹⁹ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 115.